

Предисловие

Архиепископ Иоанн (Поммер) родился 6 (19) января 1876 года на хуторе Илзессала Прауленской волости Венденского (Цесисского) уезда. Его родители, Андрей и Евдокия, были православными. Окончив приходскую школу, он в 1887 году поступил в рижское духовное училище, затем в 1891 году в духовную семинарию. Окончил семинарию в июне 1897 года, получив аттестат первого разряда. Затем работал учителем в лауданской приходской школе, в 1899 году был переведен в Лиепаяу.

В 1900 году Иоанн Поммер поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1904 году со степенью кандидата богословия. Учась в духовной академии, он принимает монашеский постриг. 23 сентября 1903 года был рукоположен во иеродиакона, 13 июля 1904 года в иеромонаха. После окончания духовной семинарии он был определен преподавателем Священного писания в Черниговскую духовную семинарию, два года спустя, в 1906 году, его переводят на пост инспектора Вологодской духовной семинарии. 26 сентября 1907 года иеромонах Иоанн (Поммер) был возведен в сан архимандрита. Вскоре после этого назначен ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем виленского Свято-Троицкого монастыря. Здесь с большой силой проявились его организаторские и административные способности.

11 марта 1912 г. архимандрит Иоанн (Поммер) был возведен во епископский сан. Он становится епископом Слуцким, викарием Минской епархии. В виду болезни архиепископа Минского Михаила ему было поручено управление этой епархией. Однако в том же 1912 году епископу Иоанну приходится расстаться с Минском. Он был командирован в Одессу для управления Херсонской епархией в связи с болезнью архиепископа Димитрия. Затем в 1913 году был переведен в Таганрог на кафедру викария Приазовской епархии. В Приазовье епископ Иоанн занимался не только церковно-административной деятельностью, он также руководит местными просветительскими и благотворительными организациями. Во время Первой мировой войны активно организовывал помощь беженцам. После революции арестовывался, но был освобожден в результате заступничества паствы.

В 1917 году епископа Иоанна переводят викарным архиереем в Тверь с титулом епископа Старицкого. С 9 (22) апреля он становится епископом Пензенским, вскоре возведен в архиепископский сан. В Пензе деятельность архиепископа Иоанна проходила в жестокой борьбе с лишенным сана бывшим пензенским архиереем Владимиром Путяттой, организовавшим собственную «Народную церковь» и захватившим кафедральный собор. В результате этой борьбы архиепископу Иоанну удалось удержать большинство церковного народа в неразберихе тех лет в лоне Православной Церкви.

Необычайно напряженные отношения у архиепископа Иоанна сложились в Пензе и с местной властью. На него была совершена попытка покушения. У него проводились обыски. Его неоднократно арестовывали. Только чудом ему удалось избежать расстрела. Возили его для допросов и в Москву. Однако в конечном итоге выдвинуть обвинение против Владыки не удалось и он был отпущен на свободу.

25-27 февраля 1920 г. на состоявшемся в это время Соборе латвийского духовенства единогласно было постановлено пригласить архиепископа Иоанна возглавить Латвийскую Церковь. Соответствующее прошение было послано и Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону, который лишь в июле 1921 г. «в виду неотступных просьб Латвийской Церкви» нашел возможным отпустить архиепископа Иоанна в Латвию. Латвийской Церкви при этом была дарована автономия.

Православная Церковь в Латвии в это время переживала тяжелые дни. В бедственном положении она оказалась уже в период Первой мировой войны и последовавшей затем революции в России. В конце Первой мировой войны значительная часть Латвии, включая Ригу, была оккупирована немецкими войсками. Еще до занятия немцами Риги наиболее ценное церковное имущество было вывезено вглубь России, были эвакуированы духовные школы, выехала из Латвии и часть православного духовенства. Не осталось в Рижской епархии и собственного епископа, поскольку церковная администрация также была

эвакуирована. Оккупационными властями у православных был отобран кафедральный собор и обращен в немецкую гарнизонную лютеранскую церковь. Церковная утварь из него была вынесена, а православные восьмиконечные кресты опилены – превращены в четырехконечные. Принадлежавший ранее Православной Церкви Св. Алексеевский монастырь с епископскими апартаментами был также отобран для нужд католической части немецкого гарнизона.

18 ноября 1918 года была провозглашена независимость Латвийской республики. 11 августа 1920 г. состоялось подписание мирного договора Латвии с Советской Россией, по которому независимость новообразовавшегося государства признавалась и революционным российским правительством.

В первые годы латвийской независимости положение Православной Церкви в стране продолжало оставаться крайне неблагоприятным. Правительство только что образованной республики с большим недоверием относилось ко всему, что в его глазах оказывалось связанным с имперским прошлым. Частью прежнего государственного строя воспринималось и православие. Несмотря на то, что православное население Латвии было достаточно многочисленным (около 9% от общего числа жителей), правительство не спешило признавать официального статуса Православной Церкви, новые латвийские законы ее полностью игнорировали. Согласно подписанному между Латвией и Советской Россией мирному договору бывшая собственность российского государства передавалась во владение Латвийской республике. Поскольку латвийское законодательство не проводило разграничений между прежней собственностью российского государства и имуществом Православной Церкви, то часть этих имуществ в начале 20-х годов оказалась отчужденной. Среди них — здания Рижских духовного училища и семинарии (в первом из них разместилось военное училище, во втором — медицинский факультет Латвийского университета); построенная еще в XVIII в. Петропавловская церковь стала собственностью эстонского лютеранского прихода. Кроме того, был законодательно подтвержден переход во владение Католической Церкви Св. Алексеевского монастыря, закрыты и опечатаны кафедральный собор и находившаяся на привокзальной площади часовня (последняя позже была разрушена)¹.

Лишенное руководства латвийское православное духовенство пребывало в крайней

растерянности. Эстонский епископ Платон (Кульбуш), которому во время войны временно подчинялась Рижская епархия, был зверски убит вместе с другими заложниками в Тарту во время отступления из города частей Красной армии в 1919 году, связь же с Московской Патриархией в результате произошедших политических перемен оказывалась крайне затрудненной.

Лучшего выбора нового правящего архиерея, чем архиепископ Иоанн, для латвийской паствы нельзя было предположить. Латыш по национальности, он пользовался также большим уважением и среди русского православного населения Латвии. Своим авторитетом ему удалось сгладить противоречия, которые грозили расколоть Латвийскую Православную Церковь по национальному признаку.

24 июля 1921 г. архиепископ Иоанн прибыл в Ригу. Встреча была торжественной. Крестный ход растянулся более чем на километр. Во время первой его службы кафедральный собор был переполнен и не мог вместить всех желавших видеть и слышать своего архипастыря. Однако, как с сожалением отмечала выходящая в Риге на русском языке газета «Сегодня», никто из правительства, кроме городского головы г. Андерсона, не вышел встретить нового православного архиепископа Латвии².

Прибыв в Латвию, архиепископ Иоанн активно принялся за восстановление православной церковной жизни. За 1921–1924 гг. им было совершено более 400 богослужений. Было написано и произнесено более 250 проповедей, совершено более 100 посещений приходов. С 1923 г. начинает выходить печатный орган Латвийской Православной Церкви – журнал «Вера и жизнь» на русском и латышском языках, архиепископ Иоанн становится одним из деятельных его сотрудников³.

Предпринимались новым рижским архиепископом и попытки к возвращению отчужденного церковного имущества. В виде протеста против передачи Католической Церкви Алексеевского монастыря и епископского дома, прибыв в Ригу, архиепископ Иоанн поселился в сыром подвале рижского кафедрального собора. Вернуть уже отчужденные имущества в основной их части не оказалось возможным, однако дальнейший переход прежней церковной собственности в государственное пользование был прекращен. Удалось отстоять и кафедральный собор.

Много сил было положено Владыкой и для возвращения церковного имущества, эвакуированного во время Первой мировой

войны (возможности для этого предоставляли условия уже упомянутого мирного договора между Латвией и Россией). Договоренность о эвакуации в принципе была достигнута, но из-за бюрократической волокиты процедура растянулась на долгие годы. Лишь в 1927 г. остатки в значительной мере расхищенной за десятилетие советского правления собственности Латвийской Православной Церкви были доставлены в Ригу – в том числе более 100 колоколов, частью, правда, в разбитом состоянии.^{IV}

В отличие от Православных Церквей большинства вновь образованных после распада Российской империи государств (Эстонии, Финляндии и Польши), которые под давлением правительств этих стран в одностороннем порядке вышли из юрисдикции Московской Патриархии и перешли в подчинение Константинопольскому патриарху, Латвийская Православная Церковь при архиепископе Иоанне продолжала сохранять каноническую связь с Москвой.

В 1925 году архиепископ Иоанн становится депутатом Сейма Латвийской республики, представляя в нем интересы православного населения страны. Благодаря его деятельности, в 1926 году был, наконец, принят закон о юридическом положении Латвийской Православной Церкви, согласно которому ей присваивались такие же права, какие еще ранее были присвоены другим конфессиям.^V

Помимо предусмотренных законом юридических прав, Латвийская Православная Церковь уже с 1925 г. стала получать от государства субсидии, что помогало восстанавливать разрушенные во время войны храмы. Хотя предоставляемых правительством средств было недостаточно, но, тем не менее, это все же была ощутимая поддержка позволявшая налаживать церковную жизнь.

Отстаивая в Сейме интересы православия, архиепископу Иоанну приходилось вести напряженную борьбу с депутатами левой ориентации, заявлявшими себя противниками религии и Церкви.

1 декабря 1926 г. возобновила работу Рижская духовная семинария. Первоначально курс обучения был рассчитан на 4 года, однако ввиду недостатка средств его пришлось сократить до 2-х лет. С 1931 г. был введен трехлетний срок обучения. Образование в семинарии было бесплатным, однако на жизнь воспитанники должны были зарабатывать самостоятельно и проживать на частных квартирах. В связи с этим занятия проводились в вечернее время. Только

для особенно нуждающихся предполагалась стипендия в размере 20-ти лат (в соответствии с покупательной способностью лата того времени сумма не особенно значительная). Поскольку собственного здания у семинарии не было, занятия проводились в помещении Синода. Официальным языком обучения был латышский, но так как не все воспитанники свободно владели латышским языком, предметы читались как на русском, так и на латышском языках. Курс богословских наук был ориентирован на программу дореволюционных семинарий, из дополнительных предметов были введены история и география Латвии. С 1926 по 1933 год семинарию окончило 40 человек из них – 11 латышей и 29 русских. Лучшие из выпускников направлялись для продолжения образования в Православный богословский институт в Париже. Просуществовала возобновленная Рижская семинария до 1936 г. В 1936 г. на ее основе был создан Православный богословский институт, а в 1937-м по предложению правительства было открыто православное отделение на теологическом факультете Латвийского университета (в 1937 г. на нем обучалось 12 студентов)^{VI}.

Из действовавших при Православной Церкви в 20-е – 30-е годы религиозных организаций наиболее значительная роль в деле духовного просвещения принадлежала Русскому Студенческому Православному Единению (РСПЕ) – филиалу Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД), центр которого находился в Париже. РСПЕ было образовано в 1927 г. в результате объединения трех кружков – Библейского кружка для взрослых имени Креста Господня, руководимого священником Михаилом Николаевичем Бурнашевым, Кружка молодежи по изучению церковной истории имени Василия Васильевича Болотова (знаменитого русского историка), руководимого историком же Василием Васильевичем Преображенским и студенческого кружка при Христианском Союзе Молодых Женщин (YWCA).

РСПЕ в Латвии, так же как и филиалы РСХД в Эстонии и Финляндии, мыслило себя в первую очередь как организация русского национального меньшинства и ставило перед собою двоякую задачу: во-первых, развития и сохранения национального самосознания, во-вторых, согласования его с положением национального меньшинства, в котором оказались русские в этих странах. Движение должно было оставаться вне политики, в его задачу входила лишь борьба за духовную культуру и ее ценности.

Работа движения происходила в кружках, в начале 30-х гг. число их возросло до 13-ти. Ежегодно проводились общие летние и зимние съезды. В работе движения принимали участие виднейшие русские религиозные философы и мыслители, выступавшие с докладами на ежегодных съездах, а также приезжавшие в Ригу с чтением лекций. Так Латвию в 20-е – 30-е гг. посетили Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, С.Л. Франк, В.П. Вышеславцев и др.^{vii}.

Отношение архиепископа Иоанна к РСПЕ в первые годы его существования было вполне благосклонным. Однако в начале 30-х годов положение дел коренным образом изменилось. Одной из причин такой перемены послужили визиты в Латвию в 1931 году одного из руководителей РСХД А.И. Никитина, принимавшего участие в работе летнего и зимнего съездов движения. Вскоре после отъезда А.И. Никитина Синод Латвийской Православной Церкви отправил в находившийся в Париже Центральный Секретариат РСХД письмо с просьбой впредь в пределы Латвийской Церкви А.И. Никитина не командировать. Инициатором этой акции был, очевидно, архиепископ Иоанн. Ему же, по всей видимости, принадлежало и написанное в довольно экспрессивной форме разъяснение, посланное в ответ на запрос Центрального секретариата о причинах, вызвавших подобное решение Синода. В ответе проявилось крайне неприязненное отношение его автора прежде всего лично к А.И. Никитину. Последний обвинялся в некомпетентности, авантюризме и кроме того в том, что его действия угрожали осложнением отношений между Православной Церковью и латвийскими государственными органами^{viii}. В написанном несколько позже письме, адресованном митрополиту Евлогию, возглавлявшему русскую церковную эмиграцию в Париже, архиепископ Иоанн подверг решительному осуждению уже само РСХД. Неприемлемым автору письма представлялся интерконфессиональный характер, который, с его точки зрения, начинало приобретать Движение, вносящее таким образом, по его мнению, дезорганизацию в церковный строй^{ix}. Негативное отношение к РСХД и РСПЕ, проявившееся в письме, очевидно, частью определялось и личными причинами. Особую ожесточенность тону письма придает упоминание в нем о получившем широкую огласку направленном против архиепископа Иоанна пасквиле. Пасквиль был написан в форме послания, обращенного к А.И. Никитину от имени членов РСПЕ. Набор обвинений, содержащийся в пасквиле, довольно стандартен и характерен для используемых

в политической борьбе подобного рода документов. Архиепископ обвинялся в непомерном честолюбии (включая претензии на занятие вакантного в то время Патриаршего Престола в России), в халатном отношении к обязанностям депутата Сейма, равнодушии к нуждам русского национального меньшинства в Латвии (хотя в действительности деятельность его в Сейме свидетельствовала скорее об обратном). Само обращение архиепископа Иоанна к политической деятельности объяснялось в пасквиле корыстными побуждениями (желанием обеспечить себя высокой пенсией за работу в парламенте). Кроме того он обвинялся в безнравственной жизни. Происхождение пасквиля в действительности едва ли было связано непосредственно с РСПЕ и вызван он был другими причинами. В этом отношении примечательными оказываются заключительные строки документа: «Пора его (архиепископа Иоанна) разоблачить. Пора его проучить, если он забыл, как его учила большевистская Ч.К.»^x. Такая апелляция к опыту деятельности советских репрессивных органов оказывалась совершенно несовместимой с программой и реальной деятельностью РСХД и РСПЕ, организаций к тому же по своему духу определенно антикоммунистических.

Последние годы жизни архиепископа Иоанна были омрачены политической травлей, которую вела против него главным образом левая радикальная пресса. Кроме того, им было возбуждено уголовное дело в связи с подозрениями о финансовых злоупотреблениях в церковном ведомстве, что в свою очередь привело к резкому осложнению его отношений с некоторыми из служителей Латвийской Церкви.

В ночь на 12 октября 1934 г. архиепископ Иоанн был зверски убит на архиерейской даче, расположенной в пустынном месте вблизи Кишозера. Перед смертью он был подвергнут пыткам, и затем заживо сожжен. Находившиеся в доме деньги и ценные вещи убийц не заинтересовали. Однако определенно было заметно, что они рылись в бумагах и искали какие-то документы. Преступление не было раскрыто, и его причины до сих пор с полной определенностью не ясны.

Существуют три наиболее распространенные версии убийства. Первая из них связывает его с уже упомянутым конфликтом, возникшим между архиепископом Иоанном и руководством РСХД и РСПЕ. Эта версия разрабатывалась и следствием. Вскоре после трагической гибели рижского архиепископа РСПЕ было распущено

латвийскими властями и значительная часть его участников арестована. Следует также отметить, что у политического управления, которое занималось расследованием, существовало предвзятое отношение к Движению и превратное представление о его деятельности. РСХД и РСПЕ воспринимались его сотрудниками как организации монархические, ставившие своей целью восстановление Российской империи в прежних ее границах. Однако в ходе следствия никаких фактов, подтверждающих причастность РСПЕ к убийству, обнаружено не было, и все арестованные его члены были освобождены.^{XI} Вторая версия видит причину преступления в обстоятельствах проводившегося по инициативе архиепископа Иоанна следствия в связи с фактами церковного воровства, тем более, что по некоторым сведениям, 12 октября он намеревался предоставить в связи с этим следователю какие-то важные документы. И, наконец, третья версия возлагает ответственность за убийство на действовавшую в то время в Латвии советскую разведку. Действительно, деятельность архиепископа Иоанна, резко антикоммунистически настроенного, вызывала недовольство советского посольства. В 1927 году в связи с его речью, произнесенной после панихиды по жертвам большевистского террора, латвийскому правительству советским посольством была представлена нота протеста. Могла вызывать недовольство советской разведки и та политическая борьба, которую архиепископ Иоанн вел в Сейме с левыми депутатами. Однако в связи с последней причиной осенью 1934 года устранение архиепископа Иоанна едва ли было целесообразным. 15 мая 1934 г. в Латвии был совершен политический переворот, в результате которого была установлена авторитарная форма правления, и Сейм был распущен.

Все изложенные версии строятся лишь на догадках. Никаких определенных фактов, подтверждающих какую-либо из них, следствием обнаружено не было.

Похороны архиепископа Иоанна явились свидетельством глубокого уважения и любви, которые испытывала к нему латвийская паства — десятки тысяч людей, не имевших возможность попасть в кафедральный собор, где совершалась заупокойная служба, заполняли улицы по пути следования погребального шествия. Заняты были также все балконы и окна домов. Рижская газета «Сегодня» так описывала эти события: «Рига еще не видала подобных погребальных шествий. <...> Вечерние сумерки спустились над

городом, когда голова шествия приблизилась к кладбищу. У открытой могилы-склепа, с правой стороны Покровского храма горели яркие лампы и газовые фонари. На кладбище были допущены только духовенство и делегации. Но и этого оказалось достаточным, чтобы небольшое пространство кругом могилы было сплошь заполнено многоголовой толпой. <...> После литии гроб был опущен духовенством в могилу. Под печальное пение “Вечной памяти” и погребальный звон осиротевшая паства, не желая сдерживать своих чувств, рыдая, оплакивала своего архипастыря. <...> Хотя, согласно просьбе Синода, речи, произносившиеся у могилы, и не были продолжительными, все же возложение венков представителями многочисленных организаций и приходов заняло около 2 часов времени. <...> Огромное количество венков превратило могилу архиепископа Иоанна в благоухающий холм. До поздней ночи к могиле нашедшего на Покровском кладбище вечное упокоение Владыки струился поток верующих, склонявших головы в молитвенном молчании перед могилой святителя»^{XII}. На похоронах присутствовал и представитель правительства Латвии — заместитель премьер-министра М. Скуениек, сказавший в своей речи много теплых слов о почившем архиепископе.

24 сентября 2001 года на соборе Латвийской Православной Церкви мученически окончивший свою жизнь архиепископ Иоанн был причислен к лику святых.

Во второй том настоящей книги^{XIII} включены документы, главным образом переписка, связанные с историей церковной русской эмиграции в Западной Европе и Америке. Весь материал второго тома разделен на четыре части. В первую часть включены письма, посылавшиеся архиепископу Иоанну из Франции. Прежде всего это письма возглавлявшего русскую церковную эмиграцию во Франции митрополита Евлогия, включены сюда же и письма видных церковных общественных деятелей: В.В. Зеньковского, С.С. Безобразова (впоследствии епископа Кассиана), письмо известного русского писателя И.С. Шмелева, а также и другие материалы. Во второй части помещены письма из Германии — епископа Берлинского Тихона, а также проф. И.А. Стратонова. Документы, включенные в третью часть тома, отражают положение Русской Православной Церкви в Америке в 1920-е годы. Сюда включены письма занимавшего Североамериканскую кафедру митрополита Платона, письма епископа

Алеутского и Аляскинского Амфилохия, письма епископа Чикагского Феофила, а также и другое. И, наконец, в четвертой части собраны сохранившиеся в архиве архиепископа Иоанна материалы, касающиеся деятельности известного в свое время авантюриста лжеархиепископа Николая Соловья, также отчасти относящиеся к истории Русской Православной Церкви в Америке.

Каждую отдельную часть книги предваряет краткое введение, связывающее публикуемый материал с историческими событиями, в нем отразившимися, и дающее необходимые предварительные сведения для его восприятия. Комментарии к текстам документов помещены в конце каждой части. Сведения о самом документе приводятся в его конце.

Сведения об упоминаемых в публикуемых материалах иерархах, приведенные в комментариях, преимущественно заимствованы из изд.: История Русской Церкви. Кн. 9. М., 1997. С. 717–769 («Архиереи Русской Православной Церкви: 1917–1997»); Акты Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: Сб. в двух частях / Сост. М.Е. Губонин М., 1994. С. 833–909 («Приложение 2: Краткие биографические сведения о наиболее известных православных епископах, мучениках и исповедниках и о других церковно-политических деятелях, упоминаемых в публикуемых материалах»), а также из Internet-ресурсов.

В публикации использованы обычные правила, применяемые при издании архивных документов и принятые в этом случае обозначения.

Примечания

ⁱ См. об этом подробнее: Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 13-29.

ⁱⁱ См.: Архиепископ в подвале // Сегодня. 1921, 26 июля. Перепечатано в первом томе настоящего издания, с. 52.

ⁱⁱⁱ См.: Феофан (Пожидаев), игум. Архиепископ Иоанн (Поммер). Рига, 2000. С. 69.

^{iv} Об истории реэвакуации имущества Латвийской Православной Церкви подробнее см.: Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века. С. 19-21.

^v Хотя законодательное положение о Евангелическо-Лютеранской Церкви было принято только в 1928 г., фактически ее права были признаны с первых же дней независимости Латвийской республики. Отношения государственной власти и Католической Церкви с 1922 г. определял конкордат Латвии с Ватиканом.

^{vi} Подробнее об истории православного духовного образования в Латвии в этот период времени см.: Труфанов. Из истории Рижской Духовной семинарии (1926-1936) // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 5-12; Latvijas universitāte 75. Rīga, 1994. Lp. 228.

^{vii} О деятельности Русского Православного Студенческого Единения подробнее см.: Плюханов Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Paris], 1993; Фелдман-Кравченко Н.К. Русское Православное Студенческое Единение в Латвии // Православие в Латвии: Исторические очерки 2. Рига, 1997. С. 105-126.

^{viii} См. приложение № 6 к разделу I ч. I настоящего тома.

^{ix} См. приложение № 7 к разделу I ч. I настоящего тома.

^x Документ из архива о. Яниса (Калниньша) // Seminarium hortus humanitatis: Альманах Гуманитарного семинара XVIII. Русский мир и Латвия: Индивидуалистическая и коллективистская тенденции в культуре. Рига, 2009. С. 120.

^{xi} См.: Плюханов Б.В. Указ. соч. С. 201-211, 214-216

^{xii} Шествие на кладбище и чин погребения // Сегодня. 1934. 22 октября.

^{xiii} Выходные данные первого тома: Сидяков Ю.Л. Из архива св. священномученика архиепископа Иоанна (Поммера): Письма и другие документы. Т. 1. Рига, 2008. — 140 с. [Seminarium hortus humanitatis: Альманах XIV].